

Кроме великого Рериха-художника есть ещё и Рерих-поэт. Его знают неплохо. Но есть и ещё один Рерих. Практически неизвестный Рерих-прозаик. Его ранние рассказы, некогда до этого не публиковавшиеся, любезно предоставила нам сотрудница Третьяковской галереи, исполнительный секретарь Московского теософского общества Екатерина Сергеевна Лебедева.

Известно, что дар своего видения мира проявляется в художнике гораздо раньше, чем он станет великим. И попытки юного Рериха выразить свое мироощущение не только кистью, но и пером, наверное, будут интересны всякому, кому близко творчество знаменитого Н.К.Рериха.

Особо следует сказать о языке рассказов. Он очень выразителен, своеобразен и во многом перекликается с классической русской прозой прошлого века. Пожалуй, больше всего с Тургеневым и прежде всего с его «Записками охотника». И еще. Читая эти короткие рассказы, особенно понимаешь, как знал и любил Рерих родную свою землю.

Маленькая исповедь

Николай Рерих

А еще январь месяц, а день уже заметно прибавился. Уже пятый час дня, а фонари только кое-где мелькают. Солнце уже село. Небо темно-красное точно горит, даль каким-то туманом окутана, лениво поднимается из труб лиловый дым.

На крышах и карнизах домов тяжелыми неуклюжими хлопьями повис снег. По набережной Невы идут два молодых человека, разговор ни на минуту не прерывается.

— Вот скоро весна подойдет, — продолжает один начатый разговор, — тогда трудно будет усидеть в городе.

— Так ли уж скоро? — вздыхает другой. — Уже теперь, когда еще зимы середина, скучно ждать становится. Только день прибавился немного, так и пахнуло чем-то весенним. Дела теперь, сам знаешь, по горло, казалось бы, некогда и мечтать, а выходит совсем другое. Сидишь иной раз вечером, — назавтра дела много, и ни с того ни с сего вспомнится весна, деревня. Вскочишь из-за стола, оглянешься, а кругом лишь четыре стены — гроб словно. А тут весенние картины рисуются, слышишь — птички поют. Или вспомнишь другой раз, как высоко в небе стая журавлей несется — весело меж собой перекликаются; или гуси на перелете. Свободой, границ не ведающей, веет от этих птиц, сколько радости в их полете!

Или когда все так бывает, и где-нибудь на гибкой веточке кувывается синичка, вспомнишь, как чирикает она, казалось бы, однообразно, а ведь как гармонично выходит. А простенькую песенку зяблика

узнаешь, так в душу, прямо в душу и западают эти звуки. Вот вспомнишь все это, и защемит грудь — просто плакать хочется. Нет, думаешь, надо заниматься — тогда забудешь про деревню. Глядишь на бумагу, а вместо букв видишь ясное чистое небо, видишь распускающиеся деревья, травку сквозь мох и некое пробивающуюся.

Широко кругом, поля еще желтеют, только зеленеет озимь. Чудится, спускаешься с горы, в стороне деревушка сереет, по обеим сторонам дороги бесконечные поля, вон ольховые кустарники, за ними опять поля. Дорогу размыло, лошади скользят, тарантас кренится, но ничего этого не замечаешь, только вдаль глядишь — там впереди еловая роща виднеется, а из-за нее торчат белые башенки дома.

Сколько воспоминаний связано с этим домом, его помню я с раннего детства. Не усидишь в тарантасе. Свежий ветерок приятно ласкает тебя, где-то заливаются жаворонок, солнце ярко блестит. Широко кругом, вольно. А потом вспоминается жизнь в деревне, радостная и беззаботная.

Оглянешься — точно от сна пробудишься, а кругом те же стены торчат, будто насмеваются над тобой. Бросишь работу — уж не до нее. Мечешься как тигр в клетке, горло так и саднит. Хочешь молиться, а все где-то звенит трель жаворонка — какая тут молитва!

Портреты на стенах словно улыбаются: вот, мол, чудак, о чем задумался. Зло на них берет, так и сорвал бы со стены, бросил. А то вспомнишь, что со-

